

КОРОЛЕВСТВО ОГНЯ

18+

Сергей Чуб
Королевство Огня

«Автор»

2026

Чуб С.

Королевство Огня / С. Чуб — «Автор», 2026

«Королевство огня» — психологический роман о манипуляции, эмоциональном насилии и трудном пути освобождения от разрушительных отношений. В центре истории — Людмила, женщина, выросшая в холоде, нелюбви и внутренней пустоте. С детства она учится управлять людьми через внимание, жалость, чувство вины и страх. Ее жизнь превращается в череду манипуляций, разрушенных судеб и попыток построить собственное «королевство» на чужой боли. Но любая власть, основанная на лжи, однажды начинает рушиться. Влад, Катя и другие герои проходят через страх, зависимость, травму и внутреннее пробуждение, чтобы вернуть себе право на собственную жизнь. Это книга о том, как рождается манипулятор, как действует психологическое насилие и почему даже после долгих лет боли у человека остается шанс выбрать себя.

© Чуб С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Оглавление	6
Предисловие	7
Введение от автора	8
Глава 1. Детство Людмилы	10
Глава 2. Школа манипуляций	14
Глава 3. Выпускной — первое большое поражение	17
Глава 4. Евгений: Первая охота и холодное материнство	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Королевство Огня

Глава

Королевство огня

Оглавление

Предисловие

Введение от автора

Глава 1. Детство Людмилы

Глава 2. Школа манипуляций

Глава 3. Выпускной — первое большое поражение

Глава 4. Евгений: Первая охота и холодное материнство

Глава 5. Влад — основной объект манипуляций

Глава 6. Карьера как маска успеха

Глава 7. Катя. Дочь как зеркало

Глава 8. Игорь. Нашла коса на камень!

Глава 9. Колдунья Зина и закон кармы

Глава 10. Распад реальности

Глава 11. Начало краха — разговор о разводе

Глава 12. Люда и колдовство

Глава 13. Влад находит поддержку

Глава 14. Панические атаки

Глава 15. Отголоски ЗАГСа

Глава 16. Исцеление Влада

Глава 17. Катя выбирает — Жизнь

Эпилог. Как сложилась жизнь у наших героев?

Из неопубликованного: письма, тексты, диалоги

Предисловие

Последствия психологического насилия — один из наиболее недооцененных видов травмы в современном обществе. В отличие от физического насилия, оно оставляет рубцы, которые невидимы для окружающих, но разрушительны для жертвы.

Эта книга — уникальный синтез художественного произведения и научного подхода. Она рассказывает правдивую историю о том, как формируется манипулятор, как устроен механизм манипуляции и как люди могут исцеляться от нанесенной манипулятором травмы.

Автор не предлагает простых решений. Вместо этого он показывает честный, болезненный, но трансформирующий путь к счастливой, здоровой жизни.

Введение от автора

Я написал эту книгу потому, что видел, как люди, пережившие эмоциональное насилие, часто остаются наедине с собой. Они думают, что сами в нем виноваты. Что они что-то сделали неправильно. Что они недостаточно хороши. Но это не так. И я хочу, чтобы вы знали: на самом деле, вы — не единственный человек, переживший подобное. И что исцеление от последствий пережитого возможно.

Начиная писать, я еще не знал, что писать буду о себе. Мне довелось побывать и жертвой, и манипулятором, и свидетелем того, как люди, которых я любил, выбирали жизнь вместо блуждания по кругу постоянной боли.

Книга основана на реальных событиях, хотя имена и некоторые детали были изменены. Но психологические процессы — подлинны. Боль — подлинна. Исцеление — подлинно.

История наших героев страшнее той, в которой злодей приходит извне, в плаще и с чужим лицом. Потому что злодейка рождается в самой обычной хрущевке, в сером, словно бы уставшем от самого себя, городе. Быть может, она — вот эта девочка, растущая рядом с тобой. Сегодня вы сидите за одной партой, и она смеется над твоими шутками, а завтра сам не заметишь, как окажешься в незримом ошейнике, который она на тебя нацепит.

Эта книга — попытка заглянуть в мутное зеркало, в которое с детства смотрелась ее героиня. Чтобы понять, как рождается монстр, нужно увидеть клетку, в которой его вырастили. И начнем мы от самых истоков: с холода, который не согреть никаким одеялом, с безразличия, которое ранит сильнее кулаков. С девочки по имени Люда, которая решила, что, если мир не дарит ей любовь, значит, любовь нужно взять силой.

Глава 1. Детство Людмилы

Тишинск. Город, похожий на выцветшую фотографию. Хрущевка, въевшаяся в пейзаж унылой громадиной. Третий этаж, квартира № 45. Воздух тут затхлый, до першения в горле пропахший дешевым кофе, пылью и невытой обидой.

Утро. Люда просыпается в зале на скрипучей раскладушке. Весь ее мир ограничен стенами, по которым расползается сырость. Мать Виктория, стоя у окна, быстрыми движениями, отточенными годами безрадостного быта, пьет растворимый кофе. Она смотрит не на дочь, а куда-то внутрь себя, в свою собственную пустоту. Отца дома, как обычно, нет. Еще на рассвете он растворяется в серой утренней хмари и возвращается пьяным только за полночь — если возвращается вообще. Братья, каждый в своем углу, молча жуют хлеб. Они давно научились не замечать друг друга. Так проще...

Письмо Виктории

Найдено много лет спустя среди старых вещей Виктории.

«Мне 42 года, и я не знаю, кто я.

Когда мне было 18 лет, я знала, кем хочу стать. Я хотела стать учёным. Хотела жить в городе. Хотела изменить мир. Я была очень умной девочкой, без труда поступила в институт и покинула родное село. Как и всем студентам, вовремя сдающим сессию, мне платили стипендию.

Потом я встретила Игоря — умного, образованного, красивого молодого человека. Он работал, как он сам говорил, инженерно-техническим работником на заводе. Я думала, что нашла наконец выход из того бедного существования, которое влачила моя семья.

Но вместо выхода я нашла свою погибель.

Когда Игорь напивался (а происходило это часто), он становился другим человеком. Не жестоким, нет, но холодным. Очень холодным. Он смотрел на меня так, будто я была самой большой ошибкой в его жизни.

Первый сын, Сережа, родился в 1980 году. Тогда я была еще молодой напуганной девочкой, оказавшейся один на один со всеми материнскими и домашними заботами. Игорь не помогал. Он то работал, то пропадал по каким-то забегаловкам, где неизменно напивался. Я сидела дома с новорожденным и постоянно чувствовала себя так, словно вот-вот развалюсь на части.

Второй сын, Юра, родился в 1989 году. К этому времени я была уже окончательно сломлена.

Потом, в 1992 году — когда распался Союз, мой муж потерял работу, и долги начали расти — родилась Люда. Это было ошибкой. Знаю, нельзя так говорить и даже думать, но от правды никуда не денешься. Я не могла позволить себе иметь третьего ребенка — даже чисто психологически не могла выдержать ещё одного. И когда я впервые посмотрела на её маленькое личико, то не почувствовала никакой любви.

А чувствовала я постоянные тревогу и усталость. Такую глубокую, такую абсолютную усталость, что даже заплакать не хватало сил. Я не знала, как быть матерью для этого нежеланного ребенка. Тем более, как быть хорошей матерью. Я просто обеспечивала ей кров и более-менее опрятный вид, но не давала любви. Потому что нечего было давать. Все силы, мысли и средства уходили на выживание.

Теперь Люде 7 лет, и я вижу, что я создала. Вижу холод в её глазах и голод в её сердце. И не знаю, можно ли это исправить.

Если завтра со мною что-нибудь случится, то моему ребенку в наследство достанется одна лишь боль. Я не жду прощения. Я просто хочу, чтобы Люда знала, что в этом нет её вины — во всём виновата я одна. И что боль её родилась из моей боли, которая в свою очередь

родилась из боли моей матери. Мы — порождение нашего времени, женщины, которые никогда не были любимы и желанны.

Люда, если ты когда-нибудь прочтешь это письмо, знай: теперь мне жаль, что так всё вышло. Прости меня, если сможешь.

Виктория»

— Мама, купи мне новые колготки, как у тебя! — голос у Люды еще детский, но уже с металлической требовательной ноткой.

— В каких я ходила?.. — отмахивается Виктория, даже не глядя на дочь.

Фраза-пощечина. «В каких я ходила?». Унижение, острое и жгучее, стекает по коже мурашками. В этом «каких я» — вся ее жизнь. Одежда с чужого плеча, взгляды прохожих, жалкая личина бедности. Она — из тех, кого жалеют. Или презирают. И то и другое — яд.

В школе — та же история, но в увеличенном масштабе. Другие девочки — в нарядных платьицах, она — в старье. Учительница хвалит отличника Сашу, и Люда чувствует, как внутри закипает что-то темное и липкое. Это зависть. Но не простое детское «хочу так же». Нет! Это ненависть к тому, кто посмел быть лучше, ярче, любимей.

И вот на перемене приходит озарение. Дети носятся по коридору, кричат, смеются. Ее голос тонет в общем гуле. И она издает крик — не просто громкий, а пронзительный, истеричный, полный такой беспомощной ярости, что всё вокруг испуганно замирает. Даже снег за окном будто бы перестает падать. Два десятка пар глаз устремлены на нее. В них — не осуждение, а изумление. И страх. В этот миг в ее сознании щелкает невидимый тумблер: Внимание = Сила. Даже такое, испуганное внимание. Позже, рассказав дурацкий анекдот и услышав смех, она поймет: внимание можно не только вырвать, но и купить: быть яркой, громкой, заметной.

Ее настоящим открытием был старый сарай за домом. Заброшенный, пропахший плесенью и прошлым, он становится ее святилищем. Здесь, в полумраке, среди прочего хлама она находит стопку глянцевого журналов. Для нее это не просто бумага, — это порталы в совершенно иной мир — мир сияющих улыбок, немислимых нарядов, женщин с глазами, полными холодного величия. Они смотрят на нее свысока, и она ненавидит их за их совершенство.

Она начинает вырезать фотографии. Создает коллаж, который называет «королевством красоты». Но это — не проявление восхищения. Это — акт вандализма. Острыми ножницами она выкалывает глаза бездушным красавицам. Потом аккуратно, с маниакальной точностью, приклеивает поверх их губ свои собственные улыбки, вырезанные из старых фотографий. Она не просто представляет себя на месте этих женщин — она уничтожает их и занимает их трон. В этот момент в ее душе рождается трещина. Реальность и вымысел начинают меняться местами.

Первый осознанный эксперимент по манипуляции она ставит на брате Юре. Он получил от отца долгожданное двадцать пять рублей, а ей страсть как хочется новую куртку.

— Ты же меня любишь? — ее голос сладок как мёд. — Настоящий брат помог бы сестре. Мама же говорит, что я больная...

Лгать получается так же легко, как дышать, и Юра, смущенный, испытывающий странное чувство вины, отдает ей деньги. Она берет их, и в ее глазах вспыхивает не благодарность, а ледяное презрение. «Какой ты слабый», — бросает она ему в спину.

Урок усвоен: любовь и чувство вины — самые надежные «органы управления» человеком.

С матерью она использует другую тактику — симуляцию болезни. Она перестает есть, изображает слабость. Виктория, впервые по-настоящему напуганная, суетится, водит ее по врачам, покупает подарки. Люда лежит в постели, смотрит в потолок и чувствует вкус настоящей власти. Болезнь — это не слабость. Это оружие.

Как-то вечером, оставшись одна в плохо освещенной ванной, она подходит к зеркалу. Ее отражение расплывчато, призрачно. Люда смотрит на себя, но видит не маленькую девочку с

тощими плечиками, а сильную, величественную женщину — ту, что живет в глянцевах журналах.

— Я — королева, — шепчет она заклинание. — Все должны мне поклоняться.

Она произносит это снова и снова — до тех пор, пока отражение не начинает ей верить. Закрепляется последнее, главное убеждение: я — особенная, я достойна большего. Этот миг — переломный. Девочка Люда начинает умирать, и на ее месте рождается будущая манипуляторша, Людмила.

Глава 2. Школа манипуляций

Школьные годы для Люды — это не время учебы. Это время охоты. Школа — ее полигон, ее личная лаборатория, где она испытывает и совершенствует свое смертоносное оружие.

В пятом классе Люда переходит в новую школу, попутно, как змея кожу, сбрасывая старый образ «бедной и несчастной». Теперь она другая: независимая, загадочная, чуть насмешливая. По ней уже и не скажешь, что изнутри ее гложет страх быть незамеченной: внешне она излучает уверенность, граничащую с наглостью. На перемене — громко смеется, говорит вызывающие вещи. Люда не просит принять ее в компанию — она вламывается в нее. И ее принимают — не от большой любви, а как диковинку, клоуна, шута. Ее это устраивает: она внутри компании, а это уже плацдарм.

На одном из уроков истории Люда внезапно встает и начинает спорить с учителем. Она абсолютно не права — ее доводы противоречат общеизвестным фактам — и тем не менее спорщица приводит их с такой надменностью, с такой невероятной, неведь откуда взявшейся уверенностью, что весь класс как замороженный ловит каждое ее слово. Историчка в бешенстве, но гнев учителя лишь сильнее приковывает к девочке всеобщее внимание. А после урока одноклассники только тем и заняты, что обсуждают Людину выходку: смех, возмущение, осуждение — всё вплоть до открытой неприязни сквозит в их голосах. Но среди всего этого до новоиспеченной героини то и дело доносится ее собственное имя. И в ее ушах оно звучит как музыка. Она усваивает главный закон: неважно, что о тебе говорят. Важно, что говорят о тебе.

Следующая мишень — учительница русского языка, Мария Петровна, женщина строгая и принципиальная. Люда испытывает по отношению к ней смешанное желание: с одной стороны, расположить к себе, а с другой — доказать, что человек не должен быть настолько «правильным».

И вот, при написании очередной контрольной работы Люда нарочно делает множество непростительных ошибок, а затем с видом раскаявшейся грешницы просит о дополнительных занятиях. На этих занятиях она разыгрывает свой коронный номер: опустив глаза и придав голосу трагическое дрожание, рассказывает учительнице о «трудном детстве», о пьющем отце, о равнодушной матери... Если не считать отцовского пьянства и того, что мать ее не любит, почти всё сказанное — вымысел, но Люда вкладывает в него такое искреннее, выстраданное звучание, что Мария Петровна, будучи в глубине души человеком добрым и отзывчивым, верит ей. Она начинает видеть в Люде «одаренную, но травмированную девочку», которую нужно срочно спасать. Люда получает свою пятёрку — не за знания, а за блестяще сыгранную роль. Но когда сердобольная учительница пытается поговорить с ее матерью, Люда мгновенно охладевает к ней. «Одаренной, но травмированной девочке» не нужна настоящая помощь. Она ищет выгоду.

Однако первой полноценной жертвой ее манипуляций стала отличница по имени Наташа — тихая девочка с короткой стрижкой, носящая очки и влюбленная в книги. Люда замечает, что к Наташе неравнодушен красивый мальчик Дима — и этого оказывается достаточно, чтобы в ее душе проснулся холодный, расчетливый убийца.

Она не просто сплетничает — она создает легенду. Шепотом, с сочувственным видом, она рассказывает подружкам: «Бедная Наташа... Говорят, у нее было что-то с физруком...». Слух черной тучей начинает расползаться по школе. Но Люде мало слов, и она создает «доказательство» — отредактированное на стареньком компьютере видео, где смазанные силуэты кажутся похожими на Наташу и учителя. Она показывает его не всем, а только «самым доверенным» лицам. И этого хватает.

Наташу начинают травить. В нее тычут пальцами, ей вслед летят обидные слова, ее толкают в коридорах. Скромная, умная девочка со светящимися глазами превращается в затрав-

ленного зверька, а вскоре и вовсе исчезает из школы. Люда видела в окно, как Наташа, сгорбившись, в последний раз покидала школьную территорию. Не жалость, не угрызения совести, а мощная, опьяняющая волна удовлетворения окатила Люду в этот миг. Позже в разговоре с подругами она небрежно бросит: «Да кому нужна эта серость ходячая!». Человеческая судьба — пыль под ее ногами.

Письмо Наташи

Написано ночью, после третьей недели травли

«Люда,

Ты не знаешь, что я это письмо написала. Я его никогда не отправлю и никому не покажу, но если не напишу, то умру. Я не сделала тебе ничего плохого, я даже толком тебя не знаю и не могу понять, за что ты так возненавидела меня.

Но ты взяла и разрушила мою жизнь. Три недели назад я была обычной девочкой: ходила в школу, читала книги, думала о том, кем хочу стать, когда вырасту. Теперь мне в школе не дают проходу. В столовой — постоянный шепот за спиной, в коридорах — откровенный смех и издевательства.

Мальчики, которым я раньше была безразлична, теперь смотрят на меня как на что-то грязное. Дима, который, как мне казалось, любил меня, теперь не может на меня смотреть.

Моя мама плачет. Она считает себя виноватой во всем, что якобы произошло. Она думает, что недостаточно хорошо меня воспитала. Папа молчит, просто молчит.

А что же ты? А ты всё так же ходишь по коридорам, широко улыбаясь, с высоко поднятой головой. Ты победила!!!

Но я хочу тебе кое-что сказать.

Я не сделаю с собой ничего такого, чего ты от меня ждешь, о чем одна лишь мысль делает тебя счастливой. Я буду жить — жить и помнить этот урок, помнить то, что ты со мной сделала. Для таких как ты чужое страдание — воздух, которым они дышат, потому что по-другому не умеют. Они — разрушители.

И когда я стану взрослой, то начну помогать людям, оказавшимся в подобной ситуации, выжить и исцелиться от этого кошмара. Каждый, кто в нем оказался, должен знать, что он не одинок. Хищники подобные тебе могут разрушить чью-то жизнь — в школе или где угодно, — но не человеческий дух. А дух — это главное, и остальное не имеет значения.

Наташа»

С мальчиками Люда работает иначе. Флирт становится для нее конвейером по извлечению ресурсов: подарки, конфеты, деньги, признания в любви трофеями падают к ее ногам, и эта игра ей определенно нравится. Но стоит незадачливому кавалеру влюбиться в нее по-настоящему, сделавшись преданным и скучным, — и она теряет к нему всякий интерес. Его любовь — признак слабости, его преданность — признак рабской натуры. Она переходит к следующему парню, оставляя за собой очередное разбитое ради забавы сердце.

Высшим показателем власти, достигнутой ею за школьные годы, становится стычка с отцом. Тот, откуда-то узнав о похождениях собственного ребенка, явился домой по обыкновению пьяным и взялся за ремень. Люда не убегает, не плачет. Она стоит перед отцом и смотрит ему прямо в глаза пустым ледяным взором.

— Бей, — говорит она тихо. — Но меня ты все равно не переделаешь.

Отец застывает с занесенным ремнем. Впервые он видит в глазах дочери не страх, а превосходство. Он понимает, что проиграл. Дочь превратилась в чудовище, которое ему не укротить и чью волю не сломить физической болью. Это ее окончательная победа.

Глава 3. Выпускной — первое большое поражение

Выпускной вечер. Для большинства людей это — прощание с детством, но только не для Люды. Для нее выпускной — это окончание долгого пути к столь желанной коронации и всеобщему признанию. Она планирует этот вечер как генеральное сражение, в котором должна одержать безоговорочную победу.

За два месяца до бала Люда начинает готовиться. Загнав родителей в долги, она получает ослепительное розовое платье, ходит к косметологу, красит волосы в оттенок спелой пшеницы, делает маникюр. Каждое утро она исполняет один и тот же ритуал: подходит к зеркалу, смотрит на свое отражение и шепчет: «Я буду королевой». Это не мечта — это заклинание. Она выбирает себе «короля» — Игоря, самого красивого парня параллели, — и начинает над ним работать: легкое заигрывание, многообещающие взгляды... Под конец ей начинает казаться, что Игорь у нее на крючке.

И вот он, долгожданный выпускной! Люда входит в украшенный актовый зал. Какое-то время ей чудится, что давняя мечта наконец-то сбылась: восхищенные взгляды и шепот за спиной не ускользают от ее внимания. Она — центр этой вселенной. Начинаются выборы королевы бала, и Люда заранее явственно ощущает на голове сладостную тяжесть от воображаемой короны.

На сцену выходит директор школы. Пауза. И затем — удар под дых:
— Королевой нашего бала становится... Катя Волкова!

В ушах зазвенело, из легких как будто разом выдавили весь воздух. Она, конечно, слышит имя королевы, но мозг отказывается его воспринимать. Катя? Та самая Катя — скромная, добрая, «серая» отличница? Нет, невозможно, это какая-то ошибка!

Люда смотрит, как Катя, сияя, поднимается на сцену, как на ее голову водружают символическую корону, как она, сойдя со сцены, плачет от счастья, обнимая родителей, — и в душе несостоявшейся королевы происходит нечто сродни химической реакции: шок и беспомощность быстро кристаллизуются во что-то твердое, черное и холодное. В чистейшую, всепоглощающую ненависть.

Она убегает в туалет и, запершись в кабинке, давится слезами. Но слезы эти — не от горя, а от ярости. Немного успокоившись, она подходит к зеркалу: красивое платье, безупречная прическа... Но всё это — лишь дорогая мишура. До нее наконец доходит, что красота и манипуляция не всемогущи. Существует что-то еще, какая-то другая сила, неведомая и неподвластная ей. И этот вывод для нее невыносим.

Однако вечер нужно как-то спасти, и Люда, вернувшись в актовый зал, подходит к Игорю, своему «королю»:

— Пригласи меня на танец, — говорит она, все еще пытаясь играть роль королевы.

— Ты это... извини, — пожимает плечами Игорь. — Я Маше уже пообещал.

Второй удар, публичный, унижительный. Кажется, что все смотрят на нее — и не с восхищением, а с жалостью. Что может быть хуже этого?!

Ночь после выпускного. Люда, не снимая своего розового платья, кажущегося теперь не иначе как саваном, сидит на своей кровати. Часы исправно отбивают три удара, но она их не слышит: внутри нее яростно воеет сирена; ярость ищет выхода, и Люда, рыдая, дубасит кулаками ни в чем не повинную подушку, однако это ей не помогает.

Тогда она, будто бы что-то смутно припоминая, начинает сосредоточенно рыться в старых вещах — и находит пластмассовую позолоченную корону с отвалившимся камешком — память о каком-то давно забытом детсадовском утреннике.

Она помещает корону на голову, подходит к зеркалу и смотрит на свое заплаканное, искаженное злобой лицо, увенчанное дешевой безделушкой. И в этот момент рождается ее новая, взрослая личность — не обиженная девочка, а мстительная фурия.

— Это не конец, — твердо заявляет она своему отражению внезапно окрепшим голосом. — Я буду королевой. Но не здесь. Я найду свое королевство.

Это не просто слова. Это — клятва. Клятва, которая сожжет всё на своем пути. Детство кончилось. Начинается охота.

Глава 4. Евгений: Первая охота и холодное материнство

Город, в который Люда переехала после школы, ничем особо не отличался от Тишинска: размерами ненамного больше, такой же серый и скучный. Но для Люды он превратился в гигантское меню, где каждое «блюдо» имело свой ценник.

Первым ее осознанным «заказом» стал Евгений — человек порядочный, чистый, не яркий, не бунтарь. Он был из породы мужчин, верящих в семью, в честность, в любовь как совместный труд обоих сердец. Идеальная глина.

Они встретились на дне рождения общей знакомой.

Люда с нарочито потеряннм видом стояла у барной стойки и взирала на всё окружающее измученно-задумчивым взглядом, полным невысказанной скорби. Довершало картину скромное платье, сидевшее на ней так, что невольно возникало желание его поправить. Она была похожа на побитую фарфоровую куклу, и это сработало — рядом послышался обеспокоенный мужской голос:

— С тобой все в порядке?

Она медленно повернулась, позволив говорившему увидеть в своих глазах еще и проблеск любопытства. Спектакль начался.

— Бабушка умерла, — прошептала она мастерски дрогнувшим голосом. — А у мамы... с сердцем плохо. И денег на лечение нет.

Ложь лилась как горький, липнувший к душе мед, но Евгений видел перед собой не манипулятора, а хрупкую девушку, затерявшуюся в огромном жестоком мире. Он слушал, и его честные глаза разгорались всё ярче и ярче. В нем проснулся спаситель. Поддавшись этому порыву, Женя предложил ей помощь. Она же, скромно потупя взор, приняла его рыцарский жест как должное.

Их свидания были похожи на красивый роман, хотя на самом деле всё разыгрывалось по заранее продуманному ею строгому сценарию. Он водил ее в хорошие рестораны — она изображала благодарность и восхищение. Он рассказывал о своих планах — она, поддакивая, зеркалила его мечты. Она изучала его, как хирург изучает анатомический атлас. Его привычки, его страхи, его финансовые возможности — все это было исходными данными для будущей операции.

А когда почва была подготовлена, Люда сделала первый надрез:

— Женя, — позвала она беззащитно-виноватым голосом. — У мамы опять приступ. Нужны деньги на лекарства... Я не знаю, к кому еще обратиться.

Он не раздумывая дал — не ту, конечно, сумму, о которой говорила она, но достаточно большую. Она взяла у него деньги, а вечером потратила их на дорогой парфюм и кожаную сумочку. И тут же, сама не понимая для чего — бес что ли попутал, — выложила фотографии с обновками во все свои социальные сети.

И, само собой, фото попались на глаза Евгению. Его простое, доброе сердце сжалось от негодования. Он спросил у Люды, что все это значит. И впервые увидел другую Люду — не хрупкую, не несчастную. В одно мгновение ее глаза сделались сухими, в них полыхнул холодный, стальной блеск.

— Тебе жалко? — словно лезвием полоснула она по негодующему Жениному сердцу. — Жалко денег на мою умирающую мать? Значит, твоя любовь — это всего лишь слова? Ты меня не любишь, поэтому хочешь меня контролировать!

Он опешил. Логика ее слов была извращенной, чудовищной, но сказанное ею попадало в самое больное место его честной природы — в страх оказаться плохим или недостаточно хоро-

шим. Он начал извиняться и даже дал еще больше денег, но в душе червем зашевелилось первое сомнение.

И когда Люда поняла, что его финансовые и эмоциональные возможности вот-вот будут исчерпаны, она пошла ва-банк, сообщив ему тоном, более уместным не для радостного известия, а скорее для холодного ультиматума, о своей беременности. Женя, повинувшись долгу, предложил пожениться.

Люда, внутренне кривясь от скуки и презрения, милостиво позволила ему строить воздушные замки. «Какой слабак! — тем временем думала она. — Он ведь по-настоящему рад этому капкану!».

Ее подлинной целью были деньги. Деньги на «обустройство», на «приданое», на «визиты к лучшим врачам»... Евгений работал на трех работах, влезал в долги. Он замечал, что Люда на его кровные день ото дня хорошеет, но списывал это на «капризы беременной женщины». Его разум, затуманенный чувством вины, отказывался видеть очевидное.

А потом, ровно через неделю после того как он перевел на ее счет последнюю крупную сумму для первоначального взноса за квартиру, случилось «несчастье»: Люда «потеряла» ребенка. То есть как «потеряла» — просто ночью прислала ему смс: «У меня было кровотечение. Ребенка больше нет».

Когда он, ошарашенный внезапным известием, примчался к ней домой, она с бледным лицом, но сухими глазами лежала в постели.

— Это ты виноват! — процедила она. — Ты давил на меня! Ты заставлял меня нервничать из-за денег! Ты убил нашего ребенка!

Мир рухнул. Чувство вины достигло апогея и снежной лавиной обрушилось на Евгения, придавив его. Он рыдал, умолял о прощении, а она с холодным удовлетворением смотрела на него как на какое-то насекомое. Лимон выжат досуха. Она приняла последние деньги — «на восстановление» — и выставила его за дверь, после чего в течение нескольких дней сняла другую квартиру и перестала выходить на связь.

Но на этом их отношения не закончились — просто встали на длительную паузу. По правде-то ребенок никуда не делся, ведь его рождение было частью общего замысла. Жаждой материнства тут и не пахло — только сухой расчет. Ребенок — это пожизненный поводок для Евгения, неиссякаемый источник чувства вины. Когда Люда наконец появилась и сообщила ему, что «слухи о потере ребенка оказались ложными», он испытал шок, граничащий с помешательством. Горе сменялось облегчением и заново ожившей обостренной виноватостью. Он плакал как малое дитя и клялся, что всегда будет опорой ей и новорожденной Кате.

Так начался странный год их жизни втроем. Посмотришь со стороны — тихая семейная идиллия. Евгений работал днями и ночами. Глядя на красивую обертку — чистую одежду, дорогие игрушки, — он, ослепленный постоянно подкармливаемой виной, не сомневался, что вся эта видимая забота — проявление искренней материнской любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.